

Глава 1

Если бы я стал утверждать, будто тогда в ванне, задумчиво намыливая пятку и распевая, помнится, лирическую песню «Белые ручки любил я на берегу Салимара»*, я был в жизнерадостном настроении, этим я бы только ввел в заблуждение читающую публику. Нет, ведь меня ждал вечер, не суливший ничего доброго ни человеку, ни зверю. Тетя Даля** прислала мне из своего загородного дома Бринкли-Корт, что в Вустершире, письмо, в котором просила в порядке личного одолжения накормить ужином ее знакомую супружескую чету по фамилии Троттер.

Тетя Даля сама признавала, что они совершенно неспосны и уморят меня своим занудством, но их необходимо обаять, так как она в настоящее время ведет сложные деловые переговоры с мужской половиной, и тут пойдет на пользу любая мелочь. «Так что уж, пожалуйста, не подкачай, мой добрый доблестный Берти» — на такой жалостной ноте кончалось ее письмо.

А поскольку тетя Даля — это моя хорошая, достойная тетка (не путать с тетей Агатой, той, что зубами раздирает крыс и пожирает собственное потомство), когда она пишет: «Не подкачай» — я не подкачиваю. Но как я уже признался выше, перспектива вечера с Троттерами мне совсем

* Популярная песня на стихи Лоренс Хоуп (1865—1904) «Кашмирская невеста». — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Имена собственные и географические названия в этом сборнике даны в редакции переводчиков. — *Примеч. ред.*

не улыбалась. Я рассматривал ее как проклятие, павшее на мою голову.

Тем более что прошедшие полмесяца я уже и так прожил в подавленном состоянии из-за отсутствия Дживса, который отбыл на летний отдых. Ежегодно в первых числах июля он прекращает работу, бросает инструмент и отправляется в Богнор-Риджис ловить креветок, а меня оставляет в положении того поэта, про которого мы учили в школе, что он постоянно оставался без своих газетей*. Бертрам Вустер без своего неизменного помощника превращается в тень самого себя и совершенно не в силах сладить с какими-то Троттерами.

Об этих Троттерах, кто бы они, черт их побери, ни были, я и размышлял с сердечным сокрушением, уже перейдя от левой пятки к левому локтю, когда из спальни до моего слуха донесся осторожный звук шагов, отчего я сразу встрепенулся, вскинул голову, охваченный дивным волнением, и мыло замерло у меня в кулаке. Раз по моей спальне кто-то осторожно ходит, это может означать лишь одно — если, конечно, исключить внеплановый визит грабителя, — а именно, что из отпуска, загорелый и посвежевший, возвратился надежный столп дома сего.

За стеной тихо кашлянули в подтверждение моей правоты, и я в полный голос спросил:

— Это вы, Дживс?

— Да, сэ.

— Вернулись наконец?

— Да, сэ.

— Добро пожаловать в дом номер три «а», Беркли-Меншенс, Лондон, W. один! — провозгласил я, испытывая примерно то же чувство, что и пастух, когда заблудшая овца трусцой возвращается к нему в овчарню. — Хорошо отдохнули?

— Вполне, благодарю вас, сэ.

* Намек на строки из поэмы Томаса Мура «Лалла Рук».

— Расскажите мне при случае, как вы там проводили время.

— Непременно, сэра, когда вам будет угодно.

— То-то я, наверно, заслушаюсь. А сейчас вы что делаете?

— Вам только что пришло письмо, сэра, я положил его на туалетный стол. Вы сегодня ужинаете дома, сэра?

— Да нет, к несчастью. У меня встреча с четой неизвестных зловонных пузырей, которым покровительствует моя тетя Далия. Так что можете, если хотите, идти к себе в клуб.

Как я уже однажды упоминал в своих мемуарах, Дживс состоит членом очень избранного клуба лакеев и дворецких под названием «Ганимед», расположенного на Керзон-стрит, и я понимал, что после столь долгого отсутствия ему теперь не терпится рвануть туда, пообщаться с приятелями, возобновить знакомства, ну и так далее. Я, например, побыв вне города неделю, по возвращении первым делом устремляюсь к «Трутням».

— Представляю, какой горячий прием вам окажут одноклубники, споют вам «Хей нонни-нонни» и «Ча-ча-ча», — сказал я. — Вы, кажется, упомянули, что мне пришло письмо?

— Да, сэра. Его только что доставили с посыльным.

— Похоже, что-то важное, а?

— Такое предположение напрашивается, сэра.

— Распечатайте и зачитайте, что там.

— Очень хорошо, сэра.

Последовала полутораминутная заминка, во время которой, поскольку на душе у меня полегчало, я успел исполнить «Выкатывайте бочку», «Я люблю мою красотку» и «Каждый день я приношу тебе фиалки» в порядке перечисления. Наконец сквозь стену просочился голос Дживса:

— Письмо изрядной длины, сэра. Быть может, довольно будет, если я вкратце передам его содержание?

— Валяйте, Дживс. Перехожу на прием.

— Письмо от некоего мистера Перси Горринджа, сэр. Если опустить не идущие к делу подробности, мистер Горриндж желает позаимствовать у вас одну тысячу фунтов, сэр.

Я вздрогнул. Мыло выскользнуло у меня из пальцев и с глухим стуком приземлилось на банном коврике. Это сообщение без предварительной подготовки мгновенно лишило меня присутствия духа. Не часто случается, что у человека пытаются стрельнуть такую исполинскую сумму: пятерка до будущей среды — вот обычный тариф.

— Как вы сказали, Дживс? Тысячу фунтов? Да кто он такой, этот тип? Я не знаю никаких Горринджей.

— Из текста письма следует, сэр, что вы и этот джентльмен между собой лично не знакомы. Но он является, по его словам, пасынком некоего мистера Л. Дж. Троттера, которого якобы знает миссис Трэверс.

Я кивнул — бесполезно, поскольку Дживсу меня было не видно.

— Да, тут его не опровергнешь, — признал я. — Тетя Далия действительно знакома с Троттером. Это тот самый тип, которому она просила меня засыпать сегодня вечером овса в кормушку. Что верно, то верно. Но отсюда вовсе не следует, что я буду нянчить его пасынка и позволю ему совать лапу в мой бумажник. У нас с Л. Дж. Троттером совсем не такие близкие отношения, когда, как говорится, твой пасынок — мой пасынок. Согласитесь, Дживс, стоит раз дать в долг одному пасынку — и что получится? В кругу близких и дальних родственников разнесется весть, что ты кормилец и поилец, — и все сестры, тетки, племянники и дядья обступят тебя со всех сторон, спеша отхватить свое, да кого-нибудь еще, глядишь, и затопчут в свалке. Тут у нас будет не дом, а сплошное кровопролитие.

— В том, что вы говорите, много правды, сэр, но автор письма хлопочет не столько о ссуде, сколько о вложении капитала. Он предлагает вам вложить деньги в театраль-

ную постановку по роману леди Флоренс Крэй «Спинола» в его сценической обработке.

— Ах вот оно что! Понятно. Я начинаю улавливать смысл.

Эта самая Флоренс Крэй приходится... ну да, можно сказать, что она приходится мне чем-то вроде сводной двоюродной, вернее, троюродной или даже четвероюродной сестры. Она дочь лорда Уорплесдона, а старик Уорплесдон недавно, в минуту умственного помрачения, женился на моей тете Агате, en secondes nocess*, так это, если не ошибаюсь, называется. Флоренс — из так называемых интеллектуалов, то есть из тех девиц, у которых черепушка до отказа набита серыми клеточками, в прошлом году она, то ли вдохновленная небесным огнем, но скорее просто чтобы отгородиться от мыслей о моей тете Агате, накатала роман, и он был принят на ура нашей уважаемой интеллигенцией, которая, как всем известно, восторгается разной немислимой дребеденью.

— Вы читали роман «Спинола»? — спросил я Дживса, изловив мыло.

— Пролистал, сэр.

— Что вы о нем думаете? Не стесняйтесь, Дживс, говорите прямо. На букву «д», так?

— Я бы все-таки не употребил этого слова, на которое вы, сэр, по-видимому, намекаете, но мне он показался произведением не вполне зрелым и слегка, я бы сказал, бесформенным. Лично я в своих предпочтениях склоняюсь больше к Достоевскому и великим русским романистам. Однако сюжет не лишен некоторой занимательности и, вполне возможно, будет небезынтересен для театральной публики.

Я задумался. В памяти у меня что-то забрезжило — но что? Наконец я вспомнил.

— Вот я чего не понимаю, — сказал я. — Мне отчетливо помнится, тетя Далия как-то говорила, что, по словам

* Вторым браком (фр.).

самой Флоренс, какой-то продюсер уже взялся поставить в театре драматическую обработку ее романа. Помню, я еще сказал: «Вот дурень-то». Но если это так, чего ради Перси так суетится и лезет к людям в карманы? Для чего ему тысяча фунтов? Тут какая-то загадка, Дживс.

— В письме джентльмена она как раз объясняется, сэр. Один из членов синдиката, финансирующего постановку, принявший на себя обязательство именно на эту сумму, оказался неплатежеспособен. В театральном мире, как я понимаю, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Я снова погрузился в раздумья, проливая на себя губкой потоки воды. Тут напрашивался еще один вопрос.

— Но почему Флоренс не направила Перси к Чеддеру? Ведь она с Чеддером помолвлена. Казалось бы, к кому и обратиться за подмогой, как не к тому, кто связан с тобою узами любви?

— Возможно, у мистера Чеддера нет свободной тысячи фунтов, сэр.

— Верно. Я, кажется, понял, к чему вы клоните, Дживс. У него нет, а у меня есть?

— Вот именно, сэр.

Положение более или менее разъяснилось. С фактами в руках я мог теперь оценить поступок Перси как вполне разумный. Если тебе надо раздобыть тысячу фунтов, первое условие успеха — обратиться к человеку, у которого эта тысяча имеется. А Перси, несомненно, слышал от Флоренс, что у меня денег куры не клюют. Ошибка же его состояла в другом: он вообразил, что я простофиля из простофиль и швыряю крупные суммы направо и налево всем и каждому, как хлебные крошки голубям.

— Вы бы стали финансировать театральную постановку, Дживс?

— Нет, сэр.

— Вот и я тоже не стану. Я отвечу ему решительным отказом, правильно? И денежки мои останутся лежать в старом кованом сундуке, как вы считаете?

— Я бы, безусловно, поддержал такое решение, сэр.

— Так и сделаем. Пошлем Перси подальше. Пусть выкусит. А теперь к более насущному делу. Пока я одеваюсь, не смешаете ли мне бодрящий коктейль?

— Разумеется, сэр. Мартини или мой особый?

— Второй.

Я ответил твердо и без колебаний. Дело было не только в том, что мне предстоял вечер в компании супругов, которых сама тетя Далия, прекрасно разбирающаяся в людях, определила как людей несносных. Мне необходимо было подкрепиться еще и по другой причине.

Последние дни перед возвращением Дживса я все отчетливее понимал, что наша надвигающаяся встреча лицом к лицу потребует от меня всей имеющейся в наличии твердости духа и воли к победе. Если я хочу взять верх, для этого надо пойти на все, не жалея средств.

Известно ведь, как бывает, когда два человека с сильными характерами живут бок о бок в постоянном соприкосновении, — если «соприкосновение» здесь подходящее слово. Возникают разногласия. Борьба воли. Тут и там сыплются и катятся яблоки раздора. И одно такое яблоко, как я отлично понимал, несомненно, выкатится на сцену, как только я покажусь Дживсу на глаза, — тут уж никаких мартини, при всех их бесчисленных достоинствах, не хватит на то, чтобы я мог выдержать предстоящее испытание.

Я не без волнения промокал влагу и облачался в одежды, и когда по прошествии четверти часа вошел в гостиную, не сказать чтобы весь дрожал мелкой дрожью, но определенно ощущал некоторую нервозность. Появился Дживс с бальзамом на подносе, я рванулся к стакану, точно дрессированный тюлень за куском рыбы, и осушил его, даже не пожелав Дживсу, как полагается, болячки на носу.

Эффект был волшебный. Опасливое предчувствие улетучилось, на его место пришло спокойное ощущение силы. Огонь заструился по жилам, и в одно мгновение Вустера — трепетную лань сменил Вустер — железная воля,

иначе не скажешь. Что уж Дживс добавляет в эти свои зелья, я не знаю, но боевой дух они укрепляют чрезвычайно. Пробуждают в человеке тигра. Например, был случай, когда, приняв одну только дозу, я, стукнув кулаком по столу, сказал тете Агате, чтобы она перестала молоть вздор, может быть, даже вздор собачий, точно не помню.

— Превосходный напиток, удался вам как нельзя лучше, — похвалил я Дживса. — Жизнь среди крестов не испортила вам руку.

Но Дживс не ответил. Он словно онемел, и я увидел, как и предчувствовал, что взор его направлен в область моей верхней губы. Это был холодный укоризненный взор, каким человек обедающий, но не любящий живности в салате, мог бы посмотреть на обнаруженного в тарелке червяка. Я понял, что борьба воль, к которой я себя готовил, уже подняла свою грозную голову.

В гостиной нет зеркала, но если бы было, я бы увидел в нем сейчас старорежимного барона, собравшегося отчитывать обслуживающий персонал, чтобы не лезли не в свое дело. Я сказал учтиво, но твердо — в таких делах учтивая твердость решает все, а я сейчас, спасибо волшебному напитку, был способен на учтивость любой степени твердости:

— Что-то привлекло ваше внимание, Дживс. У меня что, нос в саже?

Он и не подумал оттаять. Бывают мгновения, когда Дживс становится удивительно похож на строгую гувернантку. И сейчас было одно из таких мгновений.

— Нет, сэр, — ответил он, — не нос, а верхняя губа. Вы ее испачкали чем-то вроде индийской похлебки.

Я равнодушно кивнул:

— Ах да, вы, верно, имеете в виду мои усы. Вот, отрастил за время вашего отсутствия. Неплохо выглядят, вы не находите?

— Нет, сэр, не нахожу.

Я увлажнил губы волшебным напитком и любезно переспросил, чувствуя на своей стороне власть и силу:

— Вам что, не нравится?

— Нет, сэр.

— Вы не находите, что они придают мне шику? Чуть-ку.. э-э-э... как бы это выразиться?.. чертовщинки?

— Нет, сэр.

— Вы меня огорчили и разочаровали, Дживс, — чрезвычайно учтиво говорю я, дважды прихлебнув из стакана. — Я бы еще мог вас понять, будь они пышные и с заостренными концами, как у фельдфебеля, — но ведь это лишь изящная полоска растительности, вроде той, что уже много лет завоевывает Дэвиду Нивену* восторг миллионов. Вы же не отшатываетесь в ужасе, когда видите на экране Дэвида Нивена, правда?

— Правда, сэр. Мистеру Нивену усы очень к лицу.

— А мои, значит, мне не к лицу?

— Нет, сэр.

Это было одно из таких мгновений, когда вдруг понимаешь, что единственный способ сохранить самоуважение — это пустить в ход бархатную длань в железной рукавице, вернее, наоборот. Слабость тут смерти подобна.

Ну то есть всему есть пределы, и притом достаточно четкие. Дживс преступил эти пределы на добрую милю с хвостиком. Я первый преклоняюсь перед его авторитетом в таких вопросах, как носки, ботинки, рубашки, шляпы и галстуки, но провалиться мне, если я допущу, чтобы он лез куда не следует и вносил правку в физиономию Бертрама Вустера.

Я допил волшебный бальзам и ровным негромким голосом произнес:

— Весьма сожалею, Дживс. Я надеялся на ваше сочувствие и поддержку, но раз уж вы не способны проявить сочувствие и оказать поддержку, ничего не поделаешь. Однако будь что будет, я не отступлюсь и сохраню статус-кво — ведь это статусы-кво сохраняют, я не ошибся? Вы-

* Дэвид Нивен (1909—1983) — знаменитый киноактер.